

УДК 327

Киреев А.А.

Состояние и перспективы трансграничных отношений российского Дальнего Востока и Китая (по результатам экспертного опроса)

Status and prospects of cross-border relations of the Russian Far East and China (on results of interrogation of experts)

В апреле 2010 г. редакцией журнала "Ойкумена" был проведен опрос дальневосточных исследователей, посвященный трансграничным отношениям РДВ и Китая. Опираясь на полученные в ходе опроса данные, автор статьи предлагает свою реконструкцию коллективных представлений экспертов о субъектах, составе и структуре, государственном регулировании и проблемах двустороннего трансграничного взаимодействия, о его нынешней роли в развитии региона и вероятном значении в будущем.

Ключевые слова: *российский Дальний Восток, Китай, трансграничные отношения, экспертный опрос, государственная граница, российско-китайские отношения.*

In april 2010 editorial of the journal "Ojkumena" conducted a survey of the Far Eastern scholars on cross-border relations the Russian Far East and China. Based on the survey data, author of the article offers his reconstruction of the collective views of experts on the subjects, the composition and structure, regulation and issues of bilateral cross-border cooperation, and his current role in the development of the region and the probable value in the future.

Key words: *the Russian Far East, China, cross-border relationship, expert interviews, state border, the Russian-Chinese relations*

За последние два десятилетия изучение трансграничных отношений с Китаем стало одним из наиболее интенсивно развивающихся направлений в исследованиях российского Дальнего Востока (РДВ). На мой взгляд, есть основания говорить о том, что в постсоветский период

эта тема утратила свой специальный, периферийный характер, перейдя в разряд центральных проблем дальневосточного регионоведения, концентрирующих и организующих вокруг себя общую структуру его предметного поля. К настоящему моменту в регионе сложился достаточно широкий круг исследователей, представителей разных научных центров и дисциплин, чьи профессиональные интересы прямо или косвенно связаны с указанной темой. Результаты их работы, помимо множества отдельных статей, нашли отражение в целом ряде монографий и сборников¹, посвященных прошлому [1; 2; 6; 8; 10; 11; 12; 14] и настоящему [3; 4; 5; 7; 9; 13] трансграничных отношений.

Этот стихийно происходящий процесс неизбежно связан с тем, что над индивидуальными проекциями изучаемого предмета постепенно оформляется второй уровень знания – его коллективная научная картина. Эта картина, безусловно, не будет простой суммой уже существующих точек зрения, но позволит также увидеть и то, что не было (и не могло быть) обнаружено на уровне индивидуального научного поиска. Одним из признанных инструментов выявления и оценки зрелости такого коллективного научного знания и одновременно средством стимулирования его формирования служат экспертные опросы.

Автор настоящей статьи, в основу которой положен подобный опрос, надеется на то, что предлагаемое исследование в какой-то мере сможет решить обе названные задачи: т.е., во-первых, даст возможность оценить текущее состояние коллективных представлений дальневосточных исследователей о настоящем и будущем трансграничных отношений региона с Китаем и, во-вторых, подвигнет их к дальнейшему прояснению и уточнению своего общего видения изучаемого предмета.

Экспертный опрос, посвященный трансграничным отношениям РДВ и Китая², был проведен в апреле 2010 г. по инициативе редакции журнала "Ойкумена". К участию в анкетировании было привлечено 20 исследователей – историков, политологов, международников, востоковедов, экономистов. В их число вошли представители научных и образовательных учреждений Владивостока (Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Дальневосточный государственный университет, Морской государственный университет им. адм. Г.И. Невельского), Благовещенска (Амурский государственный университет) и Хабаровска (Институт экономических исследований ДВО РАН).

Следует отметить, что среди опрошенных заметно преобладают преподаватели вузов и специалисты исторического профиля. 85% участников опроса работают во Владивостоке. Это свидетельствует об определенной "смещенности" круга опрошенных экспертов относительно изучаемого исследовательского сообщества, что, безусловно, не могло не оказать влияния на результаты анкетирования. Вместе с тем, судя по авторству публикаций последних лет, степень этого смещения не столь уж велика, и состав участников опроса во многом воспроизводит объективно сложившиеся институциональные, дисциплинарные и географические диспропорции сообщества исследователей трансграничных отношений региона.

¹ В перечень литературы к данной статье включены лишь наиболее интересные из известных автору дальневосточных публикаций по теме последних десяти лет.

² Признавая ту первостепенную значимость, которую для трансграничных связей РДВ имеют северо-восточные провинции КНР, я, тем не менее, считаю нецелесообразным (по крайней мере, в рамках данного исследования) отделять от них другие китайские провинции, имеющие во многом сходные по своему содержанию контакты с регионом. Поэтому в настоящей статье, как и в проведенном опросе, в качестве трансграничного партнера РДВ рассматривается Китай в целом.

Опросная анкета, составленная автором статьи, включала в себя пятнадцать вопросов закрытого и открытого типов. Приоритет, отданный закрытым, а также открытым шкалирующим вопросам, и сама логическая структура анкеты были связаны с тем, что, наряду с простым описанием трансграничных процессов, исследование предполагало осуществление ряда их диахронных и межстрановых сравнений и получение предварительных обобщений.

Все вопросы анкеты были разделены на несколько блоков, каждый из которых касается одного из аспектов обширной предметной области предпринятого журналом исследования. Первый блок вопросов анкеты был посвящен оценке общей значимости трансграничных отношений РДВ с Китаем для настоящего и будущего этого региона. Составляющие данный блок четыре вопроса можно разбить на две части. В первую часть вошли два вопроса открытого типа, направленные на выявление сравнительной значимости КНР среди других стран, с которыми РДВ имеет активные трансграничные отношения. Первый из этих вопросов (*Трансграничные отношения с какими странами, на Ваш взгляд, наиболее важны для РДВ в настоящее время?*) предусматривал возможность перечисления опрашиваемыми не более пяти стран-партнеров РДВ в порядке убывания важности отношений с ними. После обработки полученных ответов, по критериям количества упоминаний каждой страны и среднего (медианного) значения приписанного ей ранга (т.е. уровня важности отношений с ней), порядок ранжирования нынешних партнеров РДВ приобрел следующий вид:

1. Китай (20 упоминаний (назван 100% опрошенных) при медианном значении ранга важности равном 1 ($M=1$));

2. Япония (19 упоминаний при $M=2$);

3. Республика Корея (14 упоминаний при $M=3$);

4. США (10 упоминаний при $M=3$);

5. КНДР (11 упоминаний при $M=4$).

Второй вопрос первой части первого блока анкеты (*Трансграничные отношения с какими странами будут наиболее важны для РДВ через 10 лет?*) имел аналогичную форму и обрабатывался по той же процедуре, что и первый. Обработка полученных на него ответов дала следующий порядок ранжирования предполагаемых экспертами основных трансграничных партнеров РДВ в 2020 г.:

1. Китай (18 упоминаний при $M=1$);

2. Япония (16 упоминаний при $M=2$);

3. Республика Корея (12 упоминаний при $M=3$);

4. США (12 упоминаний при $M=3$);

5. КНДР (6 упоминаний при $M=4,5$).

Таким образом, как считают участники опроса, общий перечень важнейших партнеров РДВ по трансграничным отношениям и порядок их сравнительной значимости на протяжении ближайших десяти лет останутся неизменными. Вместе с тем, как показывает более подробное рассмотрение полученных ответов, эксперты ожидают некоторых изменений в ранговом расстройении между пятью названными ими странами. Так, из сравнения ответов на первый и второй вопросы анкеты можно заключить, что лидирующее положение в списке трансграничных партнеров РДВ Китая к 2020 г. несколько укрепиться. Если применительно к настоящему времени первый ранг трансграничной важности для дальневосточного региона Китаю приписали 17 из 20 упомянувших эту страну экспертов (3 эксперта присвоили ему второй ранг), то, оценивая ситуацию 2020 г., все из 18 назвавших Китай участников опроса отдали

ему первое место в списке.

Обращает на себя внимание также и определенное повышение позиции в перечне стран США. Частота упоминаний экспертами США при ответе на второй вопрос возросла (тогда, как все остальные страны продемонстрировали снижение этого показателя). В результате, как по количеству упоминаний, так и по среднему рангу важности для РДВ, в списке 2020 г. США сравнялись с Южной Кореей. Вытеснить последнюю с третьего места в перечне будущих трансграничных партнеров РДВ США "помешала" лишь более значительная распыленность оценок упомянувших их экспертов по ранговой шкале (меньшая согласованность коллективного мнения) и в целом большая, по сравнению с РФ, смещенность их в сторону ее отрицательного полюса (полюса низкой важности).

Наконец, следует отметить резкое снижение частоты упоминаний и определенное уменьшение среднего ранга в списке 2020 г. Северной Кореи. Таким образом, по мнению экспертов, заметное и в настоящее время отставание КНДР по уровню значимости для трансграничных связей РДВ от остальных четырех стран списка, в прогнозируемой перспективе способно привести к превращению "пятерки" ведущих партнеров региона в "четверку".

Целью вопросов второй части первого блока анкеты являлось определение сравнительной значимости (веса) трансграничных отношений с Китаем в более широком контексте, в системе не только международных, но и внутренних факторов развития РДВ. Эта часть первого блока анкеты состояла из двух закрытых вопросов, предполагавших выбор только одного варианта ответа. Ответы, данные экспертами на первый из этих двух вопросов (*Насколько велика, по Вашему мнению, значимость трансграничных отношений с Китаем среди других факторов развития РДВ в настоящее время?*), распределились следующим образом:

- а) очень велика (50% от всех опрошенных);
- б) велика (40%);
- в) трудно сказать (5%);
- г) мала (5%);
- д) очень мала (0%).

Аналогичную форму имел второй вопрос этой части первого блока анкеты, касавшийся сравнительной значимости изучаемых трансграничных отношений в будущем (*Насколько велика будет значимость трансграничных отношений с Китаем среди других факторов развития РДВ через 10 лет?*). Распределение ответов на него оказалось следующим:

- а) очень велика (60% от всех опрошенных);
- б) велика (30%);
- в) трудно сказать (5%);
- г) мала (5%);
- д) очень мала (0%).

Как явствует из полученных ответов, подавляющее большинство участников опроса (90%) высоко оценивает (ответы "очень велика" и "велика") вес трансграничных отношений с КНР в общей совокупности факторов развития РДВ как в настоящее время, так и по состоянию на конец второго десятилетия XXI в. При этом, по мере движения от настоящего к будущему, доля исследователей, готовых выставить данному фактору по шкале значимости максимальную оценку (ответ "очень велика"), возрастает с 50 до 60%. Этот рост, на мой взгляд, можно рассматривать как еще одно подтверждение ожидаемой опрошенными тенденции к относи-

тельному увеличению к 2020 г. веса "китайского фактора", на которую указывали приведенные выше результаты диахронного шкалирования соседей РДВ по уровню важности отношений с ними.

Второй блок вопросов опросной анкеты был нацелен на выявление представлений исследователей о конкретных субнациональных участниках трансграничных отношений с Китаем с российской стороны.

Первый вопрос этого блока (*Какая доля (процент) населения РДВ, по Вашей оценке, непосредственно вовлечена в трансграничные отношения с Китаем? Каковы социальные характеристики этих дальневосточников?*) являлся открытым. Наряду с последним, пятнадцатым, вопросом анкеты, этот вопрос оказался лидирующим по числу экспертов, отказавшихся от ответа (по 3 не ответивших участника). Судя по всему, отказы были связаны со слишком общими и неопределенными формулировками вопроса¹. Признавая в целом недостаточную точность этого вопроса (который следовало бы разделить на ряд более конкретных), автор может оправдать ее только стремлением обеспечить компактность анкеты и отсутствием предварительной информации по данному аспекту темы исследования.

Полученные в ходе опроса оценки доли (процента) населения РДВ, непосредственно вовлеченного в трансграничные отношения с Китаем, дают в целом очень широкий разброс величин – от 0,1% до 50%. Однако большая часть ответов экспертов сосредоточена в диапазоне от 10 до 20%. Средней (медианной) для упорядоченного ряда из 17 собранных ответов является оценка, выраженная в виде интервала, – 10 – 15%.

Определяя социальные характеристики дальневосточников, прямо вовлеченных в трансграничные отношения с Китаем, участники опроса уделили приоритетное внимание особенностям их экономических занятости и статуса. С этой точки зрения, лиц, участвующих в трансграничном взаимодействии с российской стороны, чаще всего относили к одной из двух основных категорий. Первую из этих категорий населения можно обозначить как "мелкие предприниматели и обслуживающие их наемные работники, занятые в сфере приграничной торговли". В эту категорию мною были включены ответы "челноки" (20,64% от всех полученных ответов), "помогайки" (3,44% ответов) и "торговцы" (6,88% ответов). Таким образом, совокупная частота упоминания этой категории населения опрашиваемыми составила 30,96%.

Вторую из экономически дифференцируемых категорий участников трансграничных отношений можно определить как "представителей среднего и крупного бизнеса, работающие как в сфере трансграничной торговли, так и связанного с ней или с использованием труда мигрантов производства". В эту категорию включались такие варианты ответов как "крупный бизнес", "бизнесмены, привлекающие граждан КНР к участию в строительных работах...", "руководители транснациональных корпораций" и т.п. Общая частота упоминания этой категории населения по результатам опроса составила 24,08% от всех полученных ответов.

К часто упоминавшимся участникам опроса категориям дальневосточников, вовлеченных в трансграничные связи с Китаем, можно отнести также "туристов" (17,2% полученных ответов). Судя по ответам, указавшие эту категорию эксперты достаточно четко отделяют ее представителей от уже упомянутых "челноков", т.е. лиц, посещающих Китай с экономическими целями. Таким образом, термин "туристы" используется ими в своем исходном, узком значении, и относится к дальневосточникам, осуществляющим поездки за границу с целями социального и культурного характера.

Второй вопрос второго блока анкеты (*Какие отрасли дальневосточ-*

¹ Один из участников опроса оценил данный вопрос как некорректный.

ной экономики, по Вашему мнению, в наибольшей степени связаны с экономикой Китая?) был полузакрытым. Он допускал выбор, а также самостоятельное указание, не более трех вариантов ответа. Полученные ответы распределились следующим образом:

- а) лесной комплекс (27,54% от всех полученных ответов);
- б) машиностроение (0%);
- в) металлургия (1,53%);
- г) пищевая промышленность (9,18%);
- д) сельское хозяйство (15,3%);
- е) строительство (22,95%);
- ж) топливная промышленность (4,59%);
- з) химическая промышленность (0%);
- и) энергетика (9,18%);
- к) другое: торговля (6,12%), туризм (1,53%), общепит (1,53%).

Как следует из приведенных данных, в тройку наиболее вовлеченных в трансграничные отношения с Китаем отраслей дальневосточной экономики со значительным отрывом от остальных вошли (в порядке убывания числа упоминаний) лесной комплекс, строительство и сельское хозяйство.

Третий раздел опроса был посвящен рассмотрению содержательного состава и структуры трансграничных отношений, как с российской, так и с китайской стороны. Этот блок состоял из двух аналогичных вопросов полузакрытого типа, каждый из которых предусматривал возможность выбора не более трех сфер отношений, в которых стороны ведут себя наиболее активно.

Ответы на первый вопрос этого блока (*В каких сферах трансграничных отношений с РДВ, на Ваш взгляд, наиболее активно участвуют граждане КНР?*), распределились следующим образом:

- а) инвестиции (6,52% от всех полученных ответов);
- б) культурные связи (3,26%);
- в) научно-техническое сотрудничество (0%);
- г) образовательные связи (14,67%);
- д) торговля (32,6%);
- е) трудовая миграция (24,45%);
- ж) туризм (16,3%);
- з) другое: строительство (1,63%).

Ответы экспертов на второй вопрос этого блока (*В каких сферах трансграничных отношений с Китаем, на Ваш взгляд, наиболее активно участвуют жители РДВ?*) разделились так:

- а) инвестиции (4,16% от всех полученных ответов);
- б) культурные связи (8,32%);
- в) научно-техническое сотрудничество (0%);
- г) образовательные связи (12,48%);
- д) торговля (35,36%);
- е) трудовая миграция (2,08%);
- ж) туризм (37,44%);
- з) другое (0%).

Как показывает сравнение мнений опрошенных по двум указанным выше вопросам, содержательный состав трансграничных отношений с обеих сторон во многом сходен. И для населения РДВ, и для китайцев основными сферами контактов служат торговля, туризм и образовательные связи. Наиболее серьезным отличием состава трансграничных отношений с российской стороны от такого же рода отношений

с китайской является почти полное отсутствие в первых (с точки зрения опрошенных) такого компонента как трудовая миграция. Обращает также на себя внимание и нулевое значение доли в составе отношений РДВ и Китая с обеих сторон такой сферы как научно-техническое сотрудничество. Что же касается пропорционального соотношения различных сфер взаимных контактов, т.е. структуры последних, то нельзя не отметить сравнительно большего веса в трансграничной активности жителей РДВ "туристической" составляющей, тогда как граждане КНР более активны в области образования.

Целью четвертой части вопросника была сравнительная оценка степени управляемости трансграничных отношений РДВ и Китая как на стратегическом (долгосрочном), так и на оперативном уровнях. Этот блок анкеты состоял из четырех вопросов закрытого типа, допускавших выбор единственного варианта ответа.

Первый вопрос данного блока (*Насколько высока, по Вашему мнению, степень стратегической (долгосрочной) управляемости трансграничных отношений Китая и РДВ со стороны органов государственной власти КНР?*) дал следующее распределение мнений экспертов:

- а) очень высока (30% от всех участников опроса);
- б) высока (55%);
- в) трудно сказать (15%);
- г) низка (0%);
- д) очень низка (0%).

Подобный же вопрос, касающийся политики российских властей (*Насколько высока, по Вашему мнению, степень стратегической (долгосрочной) управляемости трансграничных отношений РДВ и Китая со стороны органов государственной власти России?*), принес следующие результаты:

- а) очень высока (5% от всех участников опроса);
- б) высока (30%);
- в) трудно сказать (20%);
- г) низка (40%);
- д) очень низка (5%).

Таким образом, оценки экспертами степени стратегической управляемости трансграничных отношений с китайской и с российской стороны существенно расходятся. Оценивая степень стратегической управляемости трансграничного взаимодействия китайским государством, подавляющее большинство опрошенных (85%) выбирает верхние пункты шкалы (ответы "очень высока" и "высока"). Напротив, среди мнений экспертов о степени стратегической управляемости такого взаимодействия российскими властями преобладают (45% против 35%) низкие оценки (ответы "низка" и "очень низка"). Необходимо также отметить достаточно высокую (20%) и превышающую соответствующий показатель по первому из вопросов (15%), долю участников опроса, затруднившихся определить ту меру, в которой органы власти России управляют общим, долгосрочным развитием отношений РДВ и Китая.

Ответы опрошенных на третий вопрос четвертой части анкеты (*Насколько высока, по Вашему мнению, степень оперативного (пограничного, миграционного, таможенного и т.д.) контроля над трансграничными отношениями Китая и РДВ с китайской стороны?*) распределились так:

- а) очень высока (10% от всех участников опроса);
- б) высока (75%);
- в) трудно сказать (10%);

- г) низка (5%);
- д) очень низка (0%).

Распределение ответов на четвертый вопрос этого блока анкеты (*Насколько высока, по Вашему мнению, степень оперативного (пограничного, миграционного, таможенного и т.д.) контроля над трансграничными отношениями РДВ и Китая с российской стороны?*) оказалось следующим:

- а) очень высока (5% от всех участников опроса);
- б) высока (55%);
- в) трудно сказать (5%);
- г) низка (30%);
- д) очень низка (5%).

Как видно из полученных ответов, степень контроля российских властей над трансграничными отношениями на оперативном уровне, по мнению экспертов, заметно выше, чем на стратегическом (60% оценок в верхней части шкалы против 35% в предыдущем вопросе). Тем не менее, и на оперативном уровне разрыв между эффективностью административного присутствия китайского и российского государства на дальневосточной границе остается значительным (85% высоких оценок против 60%).

Пятый блок анкеты был нацелен на выявление характера влияния трансграничных отношений на развитие РДВ. Данная часть опроса включала в себя два вопроса открытого типа, посвященные соответственно выгодам и угрозам, которые несут с собой отношения региона с китайским обществом.

Обработка анкет выявила 13 различных вариантов ответа на первый из вопросов пятого блока (*Какие выгоды, на Ваш взгляд, получает РДВ от трансграничных отношений с Китаем?*). Указанные варианты ответов были разделены между четырьмя более общими категориями выгод, соответствующими основным сферам трансграничного взаимодействия РДВ и Китая – экономической, социальной, культурной и политической¹.

Абсолютное большинство выгод, получаемых РДВ от трансграничных отношений с Китаем, исходя из результатов опроса, сосредоточены в экономической сфере (73,5% от всех полученных ответов). В рамках этой категории выгод наиболее часто упоминались получаемые из-за границы дешевые товары и услуги² (38,22% ответов) и дешевая рабочая сила (11,76%). Кроме того, в экономическую категорию были включены такие выгоды как (в порядке убывания частоты упоминаний): китайские инвестиции; возможность трудоустройства незанятых жителей региона; развитие сельского хозяйства; сбыт в Китай сырьевых товаров.

Значительно меньше выгод, по мнению экспертов, приносят РДВ отношения с Китаем в социальной сфере (17,64% от полученных ответов). При этом в категорию социальных выгод были включены такие ответы как: возможности предоставления и получения образовательных услуг (8,82% ответов); "удовлетворение социальных потребностей населения"; лечебный туризм.

В единственном случае (2,94% ответов) в ходе опроса были упомянуты политические выгоды от трансграничного взаимодействия сторон (ответ "геополитическая стабильность в регионе"). Ни один из участни-

¹ 5,96% ответов не удалось отнести ни к одной из категорий

² Дешевизна китайских товаров, до сих пор являющаяся условием выживания беднейших слоев населения РДВ, имеет, конечно, и свой социальный аспект.

ков опроса не дал на заданный вопрос ответа, который можно было бы отнести к категории культурных выгод.

Первичная группировка мнений экспертов по второму вопросу этого блока (*Какие угрозы для РДВ несет с собой, по Вашему мнению, трансграничное взаимодействие с Китаем?*) также выявила 13 различных вариантов ответа. Распределение этих ответов по четырем основным сферам трансграничных отношений РДВ и Китая дало следующую картину¹. Лидерами по уровню угроз, связанных с трансграничными отношениями, являются экономическая и социальная сферы (по 37% от всех полученных ответов). При этом, в экономической сфере наиболее часто упоминалась (25,9% ответов) угроза возникновения зависимости РДВ от китайской экономики (варианты: зависимость от поставок китайских товаров и услуг; от Китая как монопольного покупателя сырья). Среди других угроз, названных в этой категории (в порядке убывания), – неблагоприятное влияние трансграничных отношений на развитие дальневосточной промышленности (конкуренция со стороны китайских товаров) и разрыв экономических связей региона с Европейской Россией.

В социальной сфере чаще остальных экспертами отмечалась угроза неконтролируемой миграции из Китая (14,8% от всех ответов). В числе других угроз в этой категории (в порядке убывания упоминаний) – криминализация региона; нанесение ущерба его природной среде; распространение эпидемий; "нецивилизованный туризм".

В двух случаях (7,4% ответов) экспертами была указана связанная с трансграничными отношениями угроза политического характера – утрата суверенитета РФ над Дальним Востоком. Как и при ответе на первый вопрос пятого блока анкеты, ни один из опрошенных не назвал угроз культурного плана. Следует также отметить, что, по мнению некоторых исследователей (11,1% ответов), трансграничное взаимодействие РДВ с Китаем не несет с собой "никаких угроз".

Если сопоставить различные сферы трансграничных отношений с Китаем с точки зрения соотношения их долей в общих совокупностях получаемых РДВ выгод и угроз, то можно обнаружить ряд заслуживающих внимания особенностей. Так, экономическое взаимодействие РДВ и Китая, приносящее региону, по мнению экспертов, основную часть выгод (73,5% от всех названных), в структуре проникающих через границу угроз занимает значительно более скромное место (37% от всех названных опрошенными). Напротив, социальная сфера контактов воспринимается как "поставщик" в большей мере деструктивных (37% от всех названных угроз), нежели конструктивных (17,64% от всех названных выгод) факторов развития региона. Подобным же образом, скорее в негативном плане оценивается политическая составляющая двусторонних трансграничных отношений (7,4% угроз против 2,94% выгод), хотя полученных в рамках этой категории ответов, безусловно, слишком мало для того, чтобы делать какие-либо надежные заключения.

Последний, шестой, блок анкеты имел прикладной характер и был призван раскрыть представления экспертов о первоочередных задачах регулирования трансграничных отношений РДВ и Китая, сложившихся на сегодняшний день. Эта часть анкеты состояла из единственного вопроса открытого типа (*Существует ли, на Ваш взгляд, необходимость в изменении трансграничных отношений РДВ и Китая, сложившихся на сегодняшний день? Если она существует, назовите меры по регулированию этих отношений, которые должны быть реализованы в первую очередь?*).

Ответы на данный вопрос дали, согласившись тем самым с необходимостью изменения существующих отношений сторон, 80% опрошенных.

¹ 7,4% ответов не удалось отнести ни к одной из категорий.

При этом, спектр высказанных мнений оказался очень широким: в общей сложности было зафиксировано 18 вариантов ответа, большинство из которых были даны 1-2 экспертами. Основным, обеспечивающим наиболее полный охват этого разнообразия, способом группировки ответов было их распределение по предлагаемым объектам управленческого регулирования, т.е. по сферам трансграничных отношений. В результате такой группировки наибольшее число ответов "собрали" экономическая и социальная сферы отношений (по 30,96% от всех полученных).

Наиболее часто упоминавшимся ответом в экономической сфере оказалась такая мера (управленческая задача) как переход от снабжения КНР ресурсами к равным (варианты: взаимовыгодным; диверсифицированным; связанным с переработкой сырья) отношениям (13,76% от всех ответов). Кроме того, в этой категории были названы следующие меры: избегание экономических проектов, в которых Россия будет играть заведомо второстепенную роль; принятие закона о приграничной торговле; привлечение китайских инвестиций в дальневосточное производство; развитие экономики региона за счет российских инвесторов; создание правового и экономического климата для роста экономики.

Ведущей по числу упоминаний мерой в социальной сфере стал ответ "усиление миграционного контроля" (13,76% от всех ответов). Помимо нее в данной категории экспертами ставились следующие задачи: развитие цивилизованного туризма; увеличение русского населения региона; урегулирование работы пограничных пропускных пунктов; усиление контроля за качеством ввозимой продукции.

6,88% названных экспертами мер принадлежат к культурной сфере (ответ "усиление культурных связей"). К категории же мер, направленных на регулирование политических отношений между сторонами, ни одного из полученных ответов отнести не удалось.

Значительная часть ответов, данных на последний вопрос анкеты, может быть сгруппирована также по предлагаемым методам регулирования трансграничных отношений. С этой точки зрения, названные экспертами меры можно разделить на правовые (законодательные) и административные. В первую категорию (24,08% от всех полученных ответов) вошли такие ответы как: создание "правил игры" (правовой базы) для китайцев; принятие закона о правовом статусе приграничных территорий; принятие закона о приграничной торговле; подписание двустороннего плана регионального взаимодействия; создание правового климата для развития экономики. Во вторую категорию (20,64% ответов) были включены следующие меры: усиление миграционного контроля; урегулирование работы пограничных пропускных пунктов; усиление контроля за качеством ввозимой продукции.

Наконец, в полученной совокупности мнений можно выделить группу ответов, в которых опрошенные уделяют основное внимание субъекту регулирования трансграничных отношений. Согласно этим ответам (10,32% от всех полученных), активную роль в регулировании трансграничного взаимодействия с Китаем должны играть власти регионального уровня, которым необходимо предоставить дополнительные управленческие функции.

Как показывают результаты проведенного опроса, коллективные представления исследователем сообщества по изучаемому предмету в целом отличаются достаточно высокой степенью согласованности и определенности. За исключением ответов на два последние блока анкеты (вопросы которых наиболее "чувствительны" к ценностным предпочтениям участников опроса), разброс мнений опрашиваемых оказался относительно небольшим. Это позволяет уже в первом приближении зафиксировать некоторые основные контуры состояния и перспектив

трансграничных отношений РДВ и Китая, в том виде, в котором они отразились на момент опроса в сознании экспертов. В соответствии со структурой опросной анкеты содержательные итоги опроса можно представить в форме нескольких тезисов.

1. На сегодняшний день трансграничные отношения с Китаем принадлежат к наиболее высокозначимым из числа факторов, оказывающих влияние на развитие РДВ. При этом в долгосрочной перспективе относительный вес данного фактора в общей совокупности международных и внутренних условий развития региона будет только возрастать. Ни одна из стран-партнеров РДВ по трансграничным отношениям, по крайней мере, вплоть до 2020 г., не сможет оспорить ведущее положение, занимаемое в них Китаем. Вместе с тем, судя по ответам экспертов, вероятности определенной корректировки соотношения (а возможно, и порядка) рангов между остальными четырьмя трансграничными партнерами РДВ (Япония, РК, США и КНДР) в ближайшее десятилетие исключать нельзя. Изменения в их сравнительной значимости для дальневосточного региона, скорее всего, будут связаны с объединением двух корейских государств¹. Процесс их интеграции может иметь весьма сложный и драматический характер, что, вероятно, негативно отразится (в обозримой перспективе) на масштабах участия единого корейского государства в трансграничном взаимодействии с РДВ.

2. В трансграничные отношения с Китаем непосредственно включена весомая (10 – 15%) часть населения РДВ. При этом, относительное большинство в ней составляют наиболее экономически активные дальневосточники, представители различных прослоек регионального предпринимательства – от мелкого, индивидуального (в т.ч. "челночного") до крупного, корпоративного².

Как показывают результаты опроса, тесные отношения с китайской экономикой (под таковыми автором анкеты подразумевался самый широкий спектр связей – от продажи за рубеж своей продукции и использования китайской рабочей силы до высоко институализированных и интегрированных форм сотрудничества (например, в форме создания совместных предприятий)) в различной мере вовлечена большая часть отраслей экономики РДВ. Выявленное лидерство в данном взаимодействии таких отраслей как лесной комплекс, строительство и сельское хозяйство в очередной раз подтверждает, что в отношениях с соседним обществом РДВ выступает, прежде всего, в качестве поставщика таких факторов производства как сырьевые ресурсы и земля и потребителя избыточной для Китая рабочей силы.

3. Наиболее значительное место в составе трансграничных отношений РДВ и Китая с обеих сторон занимают торговые и туристические контакты. Причем, если с российской стороны ведущее положение в этом тандеме принадлежит туризму, то с китайской – торговле. Пересекающий границу поток трудовых мигрантов, по мнению экспертов, является почти исключительно однонаправленным, китайским. Результаты опроса отразили и такое сравнительно новое, изменившее в последнее десятилетие структуру российско-китайского трансграничного взаимодействия явление как рост его интенсивности в сфере образования, который особенно заметен со стороны Китая. Кроме того, в этом разделе опроса внимания читателей заслуживает еще один показатель – соотношение общего количества ответов экспертов на вопросы о сферах наиболее активного участия в трансграничных отношениях граждан КНР и жителей

¹ На эту возможность прямо указывал ряд участников опроса

² В последние годы фактором увеличения доли дальневосточных предпринимателей, ориентированных на связи с Китаем, стало введение по существу запретительных таможенных барьеров на пути автомобильной торговли с Японией.

РДВ. Больше число ответов, поступивших на вопрос о гражданах КНР (61 против 48), на мой взгляд, можно рассматривать как более высокую оценку опрошенными общего уровня активности соседей в двусторонних трансграничных отношениях в целом.

4. Управляемость трансграничными отношениями РДВ и Китая с китайской стороны, как на стратегическом, так и на оперативном уровнях значительно выше российской. Вместе с тем, на оперативном уровне, в сфере текущего пограничного, миграционного, таможенного контроля, этот разрыв между ними, по данным опроса, относительно менее велик. На мой взгляд, это во многом объясняется инерционностью в работе погранохранных и контрольных ведомств, которые сохраняют высокую степень организационной, кадровой и культурно-психологической преемственности со своими советскими предшественниками и прототипами. Наиболее же существенные и наименее конструктивные изменения в управлении функционированием российско-китайской границы в постсоветский период произошли в деятельности высших органов власти, ответственных за принятие важнейших, целеполагающих политико-идеологических решений.

5. Основные выгоды, получаемые РДВ от трансграничного взаимодействия с Китаем, сосредоточены в экономической сфере. При этом, как показывает опрос, основное место среди этих выгод занимают поступающие из-за рубежа *дешевые* товары и услуги, а также *дешевая* рабочая сила. Таким образом, относительная выгодность экономических отношений с Китаем в значительной мере обусловлена бедностью региона, низким уровнем доходов дальневосточников и скудостью региональных капиталов. Что же касается сопутствующих экономическим связям социальных процессов, то, существенно уступая экономике с точки зрения приносимых выгод, они представляют собой ничуть не меньший источник угроз. Подобное преобладание деструктивных проявлений взаимодействия сторон в социальной сфере, как мне представляется, можно объяснить двумя уже отмеченными выше взаимосвязанными факторами. Первый из них состоит в общем дефиците государственного регулирования трансграничных отношений РДВ, особенно ощутимом в такой высокозатратной и потому принципиально несаморегулируемой сфере как социальная. Второй заключается в непрямом, отложенном характере последствий социальных отношений, рационально управлять которыми можно лишь посредством долгосрочных, стратегических государственных программ.

6. Направленность предлагаемых участниками опроса мер по регулированию трансграничных отношений хорошо коррелирует с их ответами на вопросы пятого блока анкеты. Поскольку социальные отношения РДВ и Китая обладают не меньшим деструктивным потенциалом, чем экономические, они нуждаются в столь же активном управленческом вмешательстве со стороны российских властей. Если в экономической сфере действия государства должны быть нацелены в первую очередь на вывод региона из состояния ведомого и недоиспользующего свои возможности младшего партнера, "сырьевого придатка" богатого и активного соседа, то в социальной области наиболее актуальной задачей, по мнению экспертов, является усиление контроля за притоком на РДВ китайских мигрантов.

При выборе методов регулирования трансграничных отношений эксперты в целом делают больший акцент на расширении и специализации законодательной базы российско-китайского взаимодействия. Подобные предпочтения, судя по всему, связаны с ранее зафиксированным представлением участников опроса о том, что управляемость трансграничными отношениями с российской стороны особенно слаба на страте-

гическом уровне. Иными словами, в этом можно видеть признание того, что никакие, сколь угодно жесткие меры оперативного контроля на границе (сами по себе, возможно, совсем не лишние) не могут заменить рассчитанного на длительную перспективу комплекса норм, определяющих меру и формы иностранного присутствия во всех сферах общественной системы региона. Однако создать такой правовой комплекс государство, в лице центральных и региональных властей, может, лишь имея четкий и обоснованный проект того РДВ, который оно желало бы получить в будущем.

Литература

1. Адаптация этнических мигрантов Приморья в XX в. Владивосток: ДВО РАН, 2000. 206 с.
2. Алепко А.В. Государственная политика и международные экономические отношения на Дальнем Востоке (конец XVIII в. – 1917). Хабаровск: Изд-во ТоГУ, 2006. 393 с.
3. Бакланов П.Я., Романов М.Т. Экономико-географическое и геополитическое положение Тихоокеанского региона России. Владивосток: Дальнаука, 2009. 168 с.
4. Безруков И.С. Горбенкова Е.В. Перспективы использования азиатской рабочей силы в экономике Дальнего Востока России. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2006. 208 с.
5. Бурлаков В.А. Проект "Туманган" и игра геополитических интересов в Северо-Восточной Азии в 90-е XX в. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2007. 224 с.
6. Ващук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королева В.А., Дудченко Г.Б., Герасимова Л.А. Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. Владивосток: ДВО РАН, 2002. 228 с.
7. Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы: Этномиграционные процессы на Дальнем Востоке. Благовещенск: Амурский гос. ун-т. 2009. 412 с.
8. Залеская О.В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917 – 1938 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2009. 381 с.
9. Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона: Российско-китайские отношения на рубеже XX – XXI вв. Владивосток: Дальнаука, 2006. 424 с.
10. Нестерова Е.И. Русская администрация и китайские мигранты на юге Дальнего Востока. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2004. 370 с.
11. Петров А.И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке. 60–90-е годы XIX в. Владивосток: ДВО РАН, 2000. 304 с.
12. Позняк Т.З. Иностранцы подданные в городах Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.). Владивосток: Дальнаука, 2004. 316 с.
13. Татценко К.В. Тенденции экономического взаимодействия Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая. Владивосток: Дальнаука, 2006. 216 с.
14. Тимофеев О.А. Российско-китайские отношения в Приамурье (сер. XIX – нач. XX вв.). Благовещенск: Изд-во Благовещенского пед. ин-та, 2003. 302 с.